

В дальней стороне, за холмами, за лугами, за бездонным холодным озером в сторожке на краю необъятного леса жил-был лесничий один-одинёшенек. Всё, что нужно ему было для жизни, находил он в лесу, а чего недоставало – за тем шёл тридцать вёрст до города. Заодно и князю местному докладывался: как поживают его лесные уголья, да много ли зверя народилось о том годе, да кого можно нынче пострелять на княжеской охоте, а кого желательно пока не тревожить.

Добрый князь, довольный работой своего лесничего, платил за службу, не скупясь, да только к чему лесничему деньги? Пройдётся обратной дорогой по базару, возьмёт того-сего, сколько в руках унести можно, – ткани ли какой одёжу чинить, топор ли новый, а то наберёт изюму полный кулак да детворе и раздаст тут же.

Горожане его Лесовиком кликали. Диву давались: живёт бирюк бирюком, зверь почти лесной, а поди ж ты,

тоже человек и доброта в нём есть. Девки красные, как Лесовик в городе объявится, в сей же миг достают из сундуков матушкины платки расписные, шеи бусами увивают, щёки румянят – и ну гурьбой на улицу, ну глазами стрелять! А Лесовик-то на диво хорош, статен да чернобород, взором светел, нравом сдержан, на выпивку и не смотрит, а руки крепкие да сильные, к тяжкому труду привычные. Одним словом, жених завидный.

«Завидный да недальновидный Лесовик-то наш!» – ёрничал народ. И то верно: хоть какая раскрасавица мимо него пройдёт да будто бы невзначай что обронит, Лесовик-то обронённое подаст – и дальше идёт своей дорогой. Никто ему не мил: ни смешливая Груня, ни проказница Марфушка, ни горделивая Акулина-краса.

Вцепилась другой раз в Лесовика сваха и ну ворчать: «Молодой ты, собой пригож, а один живёшь. Без жены, небось, тяжело! Почто не сватаешься? За тебя любая пойдёт из тех, кто попроще. Уж не на княжескую ли дочку зарисуешься?» Ухмыляется. А Лесовик ей: «Ни на чью дочку я не зарюсь, матушка. Да разве злой я человек, чтобы портить жизнь доброй девушке, уводить её в лес, где она, кроме меня да волков с медведями, и не увидит никого больше? Так вот глупа ты, коли так мыслишь». Народ только рты поразевал: никогда от Лесовика столько слов подряд не слыхали. На том и отсохли все разом – чего ещё ожидать от почти лешего?

О ту пору князь со свитой вздумал на охоту податься. Взял с собой и лесничего, чтоб тропы звериные ему открыл. Идёт князь сквозь чащу – валежник трещит, слово скажет – как гром рокошет. Разбежались от него все зайцы, птицы попрятались. Всё мрачнее и мрачнее князь, уж чернее тучи сделался. Недоволен, что охота плохая.

Вдруг под ногой сверкнуло живое, зашипело из травы – князь как заголосит: «Змея! Держи, уйдёт!» Лесовик тут же стрелку пустил, да куда там! Только одну чешуйку и отколол, а змея ходу прибавила.

Побежал за ней Лесовик, что есть духу. Летит пуще зверя дикого, а змею настичь всё не может. Долго ли, коротко ли – вот уж угодя его позади: все грибные места минул, все буераки преодолел. Выскочил из лесу, глядит: что такое? Раскинулось перед ним озеро, да такое, что краёв не видать. И глубокое! В двух шагах от берега ухнешь, и поминай как звали. А та змея подстреленная нырк в воду – и была такова.

Задумался тут лесничий, закручинился. Как теперь возвращаться, князю в глаза смотреть? Сел он на бережок, прислонился к горячему камню, смотрит на озёрную гладь да причитает в голос:

– Несчастный я да никчёмный! Ни убить, ни догнать змею не смог. Ужель мне теперь одна дорога – в пучину озёрную?

Так сидел он долго-долго. Вот уж вечер наступил, за ним пришла ночь лунная. Пригрелся Лесовик у камня, и потянуло его в сон, да такой крепкий, что мог бы и навечно уснуть.

Вдруг – что за диво? Вода озёрная взыграла, луна в ней заплескалась – и поднялись со дна озера двенадцать прекрасных девиц. Стали они в лунном свете купаться. Смех и гомон стоит над озером, песни льются дивные, разговоры шепчутся тайные, длинные волосы цвета лазури с водою сплетаются. А на бережку платья лежат, сверкают, будто рыба чешуя.

Укрылся Лесовик за камнем, смотрит во все глаза: у одной из дев под левой лопаткой свежий розовый рубчик, как от стрелы. Смекнул он тогда, что это за девы такие. Подобрался к платьям – а это кожи змеиные. Взял он да и прибрал к себе за пазуху ту, на которой чешуйки недоставало.

Вот уж и светать начало, потом заря забрезжила. Все озёрные девы гурьбой высыпали на берег, похватали каждая своё платье, обернулись змейками и в пучину ныр-

нули. Осталась на берегу только одна, с рубчиком под левой лопаткой. Горько она тогда заплакала:

– Ах, добрый молодец! Зачем взял ты кожу мою змеиную? Теперь нет мне дороги в родной омут, а судьба одна: женою тебе быть отныне и впредь.

Вышел тогда Лесовик, взял её под локоток и домой повёл.

Стал он жить как раньше, даже ещё лучше. Озёрная дева была ему заботливой и любящей женой. Недолго она горевала, вскорости позабыла и о сёстрах, и о коже своей змеиной. На будущий год родились у них детки, мальчик и девочка, да такие славные, что и высказать невозможно. Всем были дети как дети, только волосы зеленой весенней травы да глаза прозрачней ключевой воды. Ничего, кроме леса, они не ведали, росли на сказках матушки да на уроках батюшки, с каждой живностью, большой или малой, дружили.

Так прошло без малого восемь лет. На девятый год видит Лесовик – неладное что-то с его женой делается: и песни ей не в радость, и утечи супружеские в тягость, и дети маленькими дикарями по лесу бегают без пригляду. Тяжкая дума захватила все её мысли, житья не даёт, и молчит она, будто воды в рот набрала.

Спрашивает её Лесовик:

– Что с тобой, краса моя ненаглядная? Нешто хворь обуяла? Нешто я стал не мил?

Отвечает жена:

– Видела я сон чудной, будто вместо ног у меня – хвост змеиный, а сижу я у бездонной стоячей воды, в ней плещутся разноцветные змейки и зовут меня играть и резвиться.

Беспокойно стало Лесовику. Вытянул он из погреба ветхий сундук, где кожу женину хранил. Откинул крышку и видит: шкура, за восемь лет иссохшая, вдруг будто влагой налилась, разбухла.

А жена день ото дня всё мрачнее да задумчивее делается. Лесовик опять:

– Что с тобой, сердечко моё трепетное? Кто обидчик твой? Кто мутит взор?

Отвечает жена:

– Видела я сон чудной, будто дети наши озёрной травой поросли и плавают с рыбками, полными икры, всё глубже и глубже в пучину уходят.

Лесовик опять к сундуку, смотрит на женину кожу, а там вместо серой шкурки – богатая чешуя, вся в золоте и камнях, глаза слепит, на свету переливается. Запратал Лесовик сундук понадёжней, а сам забыл о службе и даже в город ходить перестал: всё подле жены и детей держится, следит, как бы чего не вышло.

А жена его совсем беспокойная стала. Мечется по дому, будто ищет чего, да никак не найдёт. Лесовик её под белы рученьки берёт, обнимает ласково:

– Что с тобой, душа моя горемычная? Ужель забыла ты мужа? Ужель детей при жизни осиротить желаешь?

Отвечает жена:

– Видела я сон чудной, будто живёт в глубокой воде Большая Рыба, а глаза у той Рыбы, что твоё колесо, и смотрит она жадно, и гневается страшно, и детей наших пережёвывает. А вокруг Рыбы той танцуют одиннадцать змеек, и только меня им не хватает.

Испугался Лесовик таковых слов, бросился к схрону, открыл сундук, а он весь сырой, вода с него льётся в три ручья. Кожа внутри так и плещется, так и горит затонувшим соковищем. Хотел было кинуть ту кожу в печку, да взмолилась жена, увидав:

– Ах, что же ты делаешь? Коли сожжёшь её, то и я сгорю дотла.

Жалостью наполнилось сердце Лесовика, не смог он убить свою любимую. С тем и уснул, крепко обнимая супругу. А наутро проснулся и видит: ни жены, ни детей в доме нет, и сундук пустой стоит.

Бросился Лесовик в погоню, до самого озера добежал, только куда там! Заприметил лишь, как хвост по воде ударил да и скрылся. Горько заплакал тогда Лесовик, а потом снарядился в дорогу и пошёл куда глаза глядят, искать помощи по всему свету.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Шёл наш Лесовик лесами, шёл полями, шёл болотами да степями, и чего только не повидал на своём пути – и хорошего, и дурного. Наконец, добрался до гор. Всё выше и выше забирается Лесовик на крутой кряж, чует: уже близко. А сам уже по уши в грязи, густой бородой, как гривой, зарос, кожей задубел. Вот уже небо совсем близко, горные пики ему брюхо чешут, облака за ёлки цепляются. Впереди бьёт из земли горный ключ, и вода в нём такая горячая – аж пузыри вспухают и пар стоит столбом. Рядом, на опушке стоит домишко, непонятно кем выстроенный в эдаком безлюдье.

Из того дома выходит навстречу Лесовику женщина. Не то девка молодая, не то старуха столетняя – смотря как солнышко на неё глянет. Под белы рученьки берёт она Лесовика, в избу проводит, а там парной водой отмывает, потом за стол сажает, кормит досыта и поит допьяна, а после спать укладывает на пуховую перину. На другое утро уж спрашивает, кто таков, да откуда, да какая такая беда приключилась.

Всё рассказал ей Лесовик: и как князю служил, и как змею на охоте подстрелил, и как кожу её украл, и как змея та женой ему стала, и как жил он с ней счастливо восемь лет да детей растил; а на девятый год начались у жены думы тревожные, и она, забрав детей и свою кожу змеиную, сбежала от него и в омут с головой бросилась.

Выслушала его мудрая женщина и говорит:

– Верно ты поступил, что пришёл ко мне. Только боюсь, кабы поздно не было. Но так и быть, помогу твоему горю.

Вышла она на порог, кликнула – эхо прокатилось по горам, птицы с веток снялись, гром отозвался далече.

– Слышишь? – говорит она Лесовику. – Это наши саночки едут.

Вдруг небо заволокла чёрная туча, из неё тройка вороных выехала да ровнёхонько у порога встала. Кони, как на подбор, злые, норовистые, из ноздрей дым валит, гривы небо застыят, копыта камень дробят.

Сели они в саночки и пустились в обратный путь. Резвые кони быстро домчали их к злосчастному озеру.

Говорит Лесовику мудрая женщина:

– Знаю это озеро. Здесь царствует Большая Рыба, а те змейки – его невесты. Большая Рыба беспробудно спит, но раз в три столетия просыпается. Если недосчитается одной из своих змеек, зовёт её обратно – уж больно жаден. Так и ушла твоя жена.

Опечалился Лесовик: всё это время супруга принадлежала чудищу.

– Я изловлю Рыбу, – сказал он, – и всё будет, как прежде.

– Нельзя: без Большой Рыбы, хранителя, весь лес погибнет.

– Как же быть?

– А я научу. Спрячься за тот камень да слушай, что будет. Как заслышишь своё имя, выходи: «Туточки я». А попадёшь в Озёрное царство – не зевай да жизнь свою спасай.

Спрятался Лесовик за камень, а мудрая женщина вышла на плёс, не замочив юбок, махнула ими на сторону, закружилась, завертелась веретеном. Раскрылся под её ногами водоворот, да такой, что дно проглянуло. Поднялась со дна Большая Рыба: чешуя золотом горит, хвост драгоценными камнями переливается. Рыщет жадным глазом Большая Рыба, бурлит:

– Кто тут шутки шутит, кто воду мутит, мою свиту пугает, мои богатства открывает?

Увидал женщину:

– А, это ты, старая карга! Всё никак не приберёт тебя сыра земля.

– Да уж помоложе тебя буду, – отвечает она ему, и опять давай мутить воду.

– Да ты погоди, уймись, матушка! – молит Большая Рыба. – Зачем пожаловала?

Говорит мудрая женщина голоском сладким, будто мёд с губ каплет:

– А слыхивала я, есть в твоей свите двое детишек, мальчонка да девчонка, волосы зеленой весенней травы, глаза прозрачней ключевой воды...

– Есть, есть, матушка, – гудит в ответ Большая Рыба. – Младшая из змеек, потаскуха эдакая, в подоле принесла. Ума не приложу, что с ними делать.

– А ты их мне отдай!

Нахмурился Большая Рыба, глаза его круглые алчным огнём блеснули:

– Моя змейка, значит, и дети мои! Лучше я сожру их перед сном, и спать мне будет слаще.

– Да я ж не за так прошу, – отвечает женщина. – Посмотри на себя: вон какой огромный! Разве насытишься ты двумя мальками? Лучше закуси их тяткой, Лесовиком. Он, глядишь, посытнее будет.

Взбеленился Большая Рыба, хвостом по студёной воде забил и воет:

– Ужо я его сожру и косточек не оставлю за то, что мою младшую змейку украл и совратил! Показывай, голубушка, где Лесовик, тогда отдам тебе его отпрысков, и делай с ними, что хочешь.

Услыхал Лесовик своё имя, выскочил из-за камня:

– А туточки я!

Увидал Лесовика Большая Рыба – и к нему. Страшно глазами ворочает, пасть разевает, а добраться не может: кружит водоворот, затягивает Большую Рыбу обратно на дно. Говорит ему мудрая женщина:

– Нет уж, сосед, ты сначала мне мальчонку с девчонкой подай!

Озлился Большая Рыба, да делать нечего. Нырнул в омут, поднял со дна детей Лесовика, с рук на руки своей мучительнице передал. Спят они волшебным сном, ни живы, ни мертвы. Женщина вынесла их с озера, посадила в саночки да и унесла в горы, в свою избушку.

Как ушла она, унялась вода. Тут уж Большая Рыба и проглотил Лесовика и вернулся в Озёрное царство, в высокий терем. Там он открыл рот и выпустил свою добычу. Глядит Лесовик – не наглядится. Кругом царское великолепие да богатства несметные, под ногами ковры, над головой – потолки расписные. Перед ним золотой трон, а на троне сидит Большая Рыба. Голову его венчает корона самоцветная, шею жемчуга увивают. Тут же кружатся в причудливом танце двенадцать змеек, все на одно лицо. Только у одной чешуйки не хватает.

Говорит Лесовику Большая Рыба:

– Смотри, человек, смотри хорошенько! Долго я живу на белом свете, много я добра сумел нажить. Я богаче любого князя и любого короля!

– Это так, – отвечает Лесовик. – Нет счёту твоим сокровищам, нет цены твоим богатствам. И всё-таки самого дорогого на свете у тебя нет.

– Не может быть! – сердится Большая Рыба. – Возьми свои слова обратно, человек! В моём царстве есть всё, что душа пожелает!

– Я бы взял, коли выдумал. А то ведь правду говорю: нет у тебя самого дорогого.

– Да что же это – самое дорогое?!

Ярится Большая Рыба, мечется на троне. А Лесовик знает себе в усы посмеивается:

– Я тебе секрет открою, а ты меня и съешь тут же.

– Не съем, клянусь! – а у самого глаза от жадности горят.

Лесовик всё посмеивается и молчит.

Тогда Большая Рыба велел подать Лесовику самые вкусные яства и самый хмельной мёд, постелить ему самую мягкую постель, а рыбкам-служкам наказал умастить его маслами да гусельками развлечь.

Вот наелся Лесовик, напился и нежится на подушках, служки его маслами умащивают. А Большая Рыба тут как тут, пристаёт с расспросами: скажи да скажи ему, чего такого самого дорогого нет в его царстве.

Лесовик и молвит:

– Ладно, твоя взяла. Открою секрет. Да только боюсь, ты съешь меня, Большая Рыба! Уж больно хорошо откормил. Мы вот как сделаем. Когда придёт тебе время уснуть на триста лет и будешь ты уже засыпать, я шепну тебе на ухо секрет, а потом уйду. А когда ты проснёшься, то и будешь знать, чего нет в твоём царстве.

Большая Рыба – нечего делать – согласился.

Вот время к полуночи близится. Собрался Большая Рыба спать-почивать. А Лесовик подле него сидит. Большая Рыба глаза зажмурил и лежит, не шелохнётся. Притворился, значит, будто спит. Лесовик и спрашивает его:

– Спишь ли ты, Большая Рыба?

– Сплю, – отвечает, – сплю.

– Ой, врёшь! – Лесовик ему. – Спи шибче.

Большая Рыба сильнее глаза жмурит. Лесовик опять:

– Спишь ли ты, Большая Рыба?

Большая Рыба молчит.

Лесовик тогда говорит:

– А раз спишь, возьму-ка я да и выколупаю вот этот камешек из твоей чешуи.

– Не трожь! – кричит Большая Рыба.

– Так ты ещё не спишь, что ли? А ну, спи шибче!

Тут полночь пробил, и Большая Рыба вмиг захрапел, только пузыри пошли. Бросился Лесовик в тронную залу, где двенадцать змеек вились в танце, отыскал единственную, у которой чешуйки не хватало.

А она уж сама к нему ластится, шею обвивает, под рубаху заползает. Обрадовался Лесовик, обнял жену свою крепко-крепко, а она раз – и укусила его в самое сердце.

Пропал Лесовик, и уснул Большая Рыба, довольный оттого, что получил он самое дорогое. Ведь нет ничего для человека дороже его жизни.

С той поры, рассказывают, не видать в городе ни Лесовика, ни диковинной его жены. Да и озеро то студёное пойдёшь сыщи! Пропало, окаянное, и никому не открывается. Зато стали примечать в тех лесах диво-дивное, незлобивое. Ходят рядком, говорят ладком девушка да парень, оба статные, собой пригожие. А волосы у них зеленой весенней травы, а глаза прозрачней ключевой воды. А если спросишь их, чьих будут, говорят так:

– Родились мы от матушки с батюшкой, от воды и травы, а воспитала нас мудрая тётушка и дала наказ. А что за наказ, то не про вас. Иди, мил человек, своею дорогой и змеек в лесу не трогай.